

Терроринтерн: *lex talionis*¹ или знак глобальной беды

Феноменология террора

© Левяш И. Я.

© Levyash I.

Терроринтерн: *lex talionis* или знак глобальной беды

Terrointern: *lex talionis* or sight of global trouble?

Аннотация. Терроризм рассматривается как один из древнейших архетипов и экстрема войны. В предельно обобщенном виде можно утверждать, что терроризм является аномальным продуктом перманентных кризисов в фундаментальной триаде «культура — цивилизация — варваризация». Статья посвящена анализу феноменологии и антропологии террора.

Annotation. The terrorism is considered as one of the most ancient archetypes and extrema of war. In extremely generalised kind it is possible to assert that the terrorism is an abnormal product of permanent crises in a fundamental triad «culture — a civilisation — barbarization». The article is devoted to analyze phenomenology and terror anthropology.

Ключевые слова. Война, террор, терроризм, *lex talionis* культура, цивилизация, варваризация, глобализация, групповой терроризм, государственный терроризм, субъекты антитеррористической коалиции.

Key words. War, terror, terrorism, *lex talionis* culture, a civilisation, barbarisation, globalisation, group terrorism, the state terrorism, subjects of an antiterrorist coalition.

Зачем мятутся народы
и племена замышляют тщетное?
Пс. 2:1

Проблема современного терроризма — это последнее издание Армагеддона, одного из древнейших архетипов человеческого бытия. В символической форме «*ab ovo*» (*лат.* «от яйца») всех противоречий и коллизий терроризма предстает едва ли не в самом начале Книги Бытия. С одной стороны, заповедь «*Не убий*» потому исходная и неведомая ранее миру, что исполнение этого императива стало бы рубиконом преодоления переходного состояния зверочеловека, окончательного *очеловечивания* человека. Однако сам Творец, похоже, свободен от этого табу. Когда он решил покарать нечестивый Содом, Авраам, призванный Божьим именем творить «правду и суд», не может допустить

ЛЕВЯШ Илья Яковлевич — главный научный сотрудник Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии Национальной академии наук Беларуси, профессор, доктор философских наук.

¹ *Lex talionis* — *лат.* «Закон равного возмездия»; *русский аналог* — выражение «око за око».

неправого суда и вопрошает: «неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?» Далее Божий человек устраивает настоящую тяжбу с Творцом, вопрошая: не пощадит ли он город, если там есть — в последовательном ряду — сорок пять, сорок, тридцать, двадцать, наконец, хотя бы *десять* праведников? И тогда «Он сказал: не истреблю ради десяти. И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом» (Быт. 18:19—33).

Здесь — *смыслообразующий* узел проблемы. Вначале гуманный вердикт Творца очевиден, более того — он становится все более конкретным и гуманным, но внезапно (без всякой мотивации!) эта «восходящая линия» обрывается. Бог намерен покарать Содом, если там будет *менее* десяти праведников. Неужели они — это *цель*, а каждый из праведников — уникальная, Богоподобная личность, — лишь *средство* утверждения высшей «правды и суда»? Говоря словами Нагорной проповеди, «много званых, мало избранных»? Но и «избранные» — весьма противоречивый критерий оценки. Ведь они тоже потомки Адама и Евы, проклятых за первородный грех не только на труд «в поте лица» и муки рождения новых жизней, но и, оказывается, на тотальную «войну всех против всех».

Здесь — точка отсчета извечной тяжбы *universalis* против *Realpolitik*. В земной юдоли она предстает в образах первых потомков Адама и Евы — «пастыря овец» Авеля и земледельца Каина. Когда братья принесли Господу плоды своих трудов, он поначалу «призрел на Авеля... а на Каина не призрел». Тайна такого отбора неведома, но не потому ли Каин огорчился, «восстал» на Авеля и убил его, а на вопрос Господа: «где Авель, брат твой?» ответил: «разве я сторож брату своему?» Вначале Господь осудил Каина на изгнание и скитальчество, но, услышав жалобу на то, что теперь всякий может убить его, затем — с точки зрения «земной» логики совершенно неожиданно — вынес свой вердикт: «всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его». Каин поселился к востоку от Эдема, и от него пошло многочисленное каиново потомство (Быт. 4:1—16).

В этой притче нельзя не видеть архетипической микромоделю «войны цивилизаций»: ведь Авель был «пастырем овец», а Каин — земледельцем. Это архетип традиционного конфликта «Я—Мы» с враждебными «Он—Они», конфликта, в котором самоутверждение первых происходит путем достижения «нулевой суммы» — обесчеловечения образа вторых и на этом «основании» — «священного» права лишения их жизни.

Если бы такая интенция и диктуемая ею практика были абсолютными, не только эволюция, но самое становление культуры/цивилизации оказались бы невозможными. Судя по способности человечества к выживанию и развитию, чаша весов между «Убий» и «Не убий» в конечном счете склонялась ко второму вердикту. Начиная с символического Ноева ковчега, эта тенденция была быстротечной, но порой такой вдохновляющей, что возникали «мимолетные мгновения» веры в способность человечества *окончательно* перековать мечи на орала.

«XX — насквозь террористический — век» (Солженицын) развеял эти иллюзии. Народы и государства вышли из состояния *массового* террора Первой мировой войны, но в *ментальной* глубине далеко не избавились

«от дикого зверя, который беснуется и ревет, запертый в погребках под фундаментом культуры» [1. С. 476]. Говоря библейским языком, «жестоковыйный», «необузданный» Зверь, — это Эрос «праведников», утверждающих свое торжество, как «победу Бога», ценой лишения «неправедников» самой жизни. Такой феномен — парадоксальным образом извечный спутник цивилизаций. Даже М. Цветаева, размышляя над варварством бунтарской пугачевщины, неожиданно и обреченно писала, что, обращаясь к этому феномену, «к зверствам привыкла».

Поскольку типичные представители такого наследия — нередко далеко не «варвары» в эллинском смысле, до сих пор бытует стойкая апология так называемых *прекрасных преступлений*, убийств на почве «высокоидейной» мотивации. Но кто те «праведники», которые убедили Брута стать убийцей своего духовного отца и друга Юлия Цезаря из таких идейных соображений, как угроза Римской республике? Французская аристократка Ш. Корде, публично казнившая Марата, возмутилась оценкой ее поступка: «Как ты смеешь, — воскликнула она, обращаясь к судье, — называть меня убийцей!»

Русская дворянка и учительница Вера Засулич в 1878 году стреляла из револьвера в санкт-петербургского градоначальника Трепова. Почему? Она узнала из газет: градоначальнику, посетившему арестантский дом, показалось, что один из гулявших во дворе не снял перед ним шапку. Разгневанный генерал приказал его высечь. Жандармы, как водится, прилюдно и сладострастно перестарались. Вспыхнул бунт, но был жестоко подавлен.

На суде Засулич призналась, что «тяжело поднять руку, пролить кровь», — но все же пролила ее. Характерно, что она была *оправдана* судом присяжных. В зале суда был и Ф. Достоевский — уже известный автор «Бесов». Его табу — «слеза ребенка», но Трепов был далек от невинности, и к *этому самосуду* писатель отнесся иначе. Существует версия, что он счел наказание Засулич «неуместным, излишним» уже потому, что «нет у нас такой юридической нормы», хотя и выразил опасение, что «ее возведут в героини». И действительно, выйдя свободной из зала суда, Засулич была подхвачена ликующей толпой.

Уже в 1920-х годах Р. Лемкина, будущего польского юриста и заметного участника Нюрнберского процесса над нацистскими преступниками, потрясли два события: совершенное в Берлине в 1921 году убийство министра внутренних дел Турции Таллат-паши, ответственного за массовое уничтожение армян, и убийство в Париже в 1926-м Симона Петлюры — как месть за еврейские погромы на Украине в 1918—1919 годах. Эти два политических убийства стали в глазах Лемкина «прекрасными преступлениями». «Акты мести, возможно, были преступными с точки зрения закона, но с точки зрения нравственности они были прекрасны» [2. С. 34].

Видимо, с этой точки зрения «прекрасной» была и акция израильского юноши И. Амира: в 1995 году он убил премьер-министра Рабина и заодно «случайно» ранил его телохранителя. На суде Амир заявил: «Возможно, Бог действовал вместе со мной». «Как же вы, религиозный

человек, сын раввина, забыли о заповедях?» — спросил судья. Но получил ответ: «...в заповедях есть более сильное предписание “спасения души”». Его мать воскликнула, что в ее сына «вселился дьявол». Газета International Gerald Tribune 13 ноября 1995 года прокомментировала убийство следующим образом: «25-летний убийца, признавшийся в суде, был осужден как любой религиозный фанатик в Израиле, но он не был ни странным, ни неподходящим для нашего общества. Амин является чем-то гораздо больше беспокоящим многих жителей Израиля: молодой, дисциплинированный и обладающий многими дарованиями человек поверил, что он спасет Израиль. Его решение убить отражает — так же, как искажает, — ценности, приобретенные им в его путешествии по израильскому расколотому истеблишменту и этажам его элит».

Что означают эти поступки: просто идейную убежденность или ее «гремучую смесь» — *фанатичную* убежденность? Если Ш. Корде и В. Заулич воплощают «прекрасные преступления», то в более широком контексте по-своему «прекрасны» и Кромвель, обезглавивший английского короля, и сентиментальный Робеспьер, «повенчанный» молвой с гильотиной, и режиссеры-исполнители зверского убийства последнего российского императора, его семьи и слуг. Ведь во всех случаях речь идет об идейно мотивированных, ритуально-символических убийствах. Все они — ипостаси террора как экстремального метода адресного «устраивания» идейных противников. В этих мистериях страсти неотделимы от *ratio*, заметна нереальная в «чистом» виде, но все же тенденция отделить плевелы от зерен.

Однако редукция к такому пониманию проблемы сегодня — это прекраснотдушная иллюзия, если не *идеализация* буквального террора. Неизбывная проблема адекватности целей и средств — это фанатизм, в котором «идейная» адресность подчинена *безадресности*, как цель — средствам. Уже иудейский царь Ирод санкционировал «избиение младенцев» лишь потому, что среди них, вероятно, находится младенец Христос. Прошло две тысячи лет, и уже под занавес XX века ирландский террорист К. Мак-Кейн пошел дальше. Узнав, что погибла женщина-полицейский, он аплодировал: «Надеюсь, она была беременна! ...мы одним ударом уничтожили бы двух врагов». Ирод убивал невинных младенцев, а Мак-Кейн убивал их еще в утробе матери.

Масштабы террора ныне таковы, что он обрел трансконтинентальный характер. М. Вулф, профессор Ноттингемского университета (Великобритания), ввел понятие «мегатерроризм» — беспрецедентно Большой террор (2004). С учетом транснационального характера этой бесовщины, его уместно определить как *Терроринтерн* — Террористический интернационал.

За пестрым разнообразием и стойкой динамикой терроризма по экспоненте крайне трудно постигнуть его «последние», *сущностные* основания. Вопреки острой необходимости в международно-правовом определении терроризма, не только «в товарищах согласия нет», но нет и хотя бы «рабочей» конвенции определения его дефиниции.

Известный американский террорист И. Рамирес Санчес (по кличке «Карлос») утверждал: «Террор — это война. Террор — это военная стратегия и средство борьбы, призванное победить *объект* при помощи страха». Неопределенность такой трактовки в том, что террор — всегда применение силы; но сила, насилие — далеко не всегда террор. Вообще террор — это не обязательно война на физическое истребление. Ветхозаветная «подзаконность» человека, как и извращающее освободительный смысл учения Христа «судебное понимание» христианства, — это «настоящий духовный террор...» [3. С. 257].

Р. Лемкин после участия в Нюрнбергском процессе в качестве профессора Йельского университета выступил в Мадриде на конференции по унификации уголовного права с докладом «Терроризм». Это деяния, говорилось в докладе, составляющие общую (межгосударственную) опасность, признанные преступлением против международного права как «преступления *варварства*».

Именно терроризм является одним из самых экстремальных феноменов в фундаментальной триаде «*культура — цивилизация — варваризация*», и его цунами во многом превращают эту связь в неизбывный «бермудский треугольник».

И все же кардинальные проблемы природы и смыслов терроризма, тем более масштабов и глубины его воздействия на взаимоотношения между культурами и цивилизациями, остаются открытыми. Понятно лишь, что именно терроризм является одним из самых экстремальных феноменов в фундаментальной триаде «*культура — цивилизация — варваризация*», и его цунами во многом превращают эту связь в неизбывный «бермудский треугольник». В рациональном понимании буквального нагромождения его во многом эзотерических артефактов политико-правовые нормы и табу безусловно необходимы. И все же они недостаточны. Востребовано многоуровневое постижение этого грозного сюрреалистического феномена, начиная с его антропологических оснований.

Антропология террора

Варварство никогда не бывает временным
А. Камю

Уже этимология понятия «террор» позволяет приблизиться к постижению его зловещего смысла. Термин «терроризм» происходит от французского *terreur* — страх, ужас. В словаре С. И. Ожегова определение терроризма выводится от французского *terroriser*, что означает «устрашать насилием», «запутывать», «держат в состоянии постоянного страха». В сло-

варе В. И. Даля функция терроризма сведена к символическому «устрашиванию». Понятно и без специального анализа, что террор — это всегда устрашение; но очевидно, что далеко не всякое устрашение — террор.

В любой своей ипостаси террор не вписывается в классическую оппозицию «природа — культура». Даже в мире природы есть место не только «естественному отбору», но и «альтруизму» всего живого, способствуя его динамичной целостности в многообразии. Террор — это слом даже такого баланса в мире человека, предельно радикальная *дегуманизация* отношений между людьми, вплоть до разрушения выработанных тысячелетиями фундаментальных всечеловеческих ценностей, — императива «*Не убий*» и символа «*Ноев ковчег*». Террор — не просто война, а ее *экстрема*. В ней заключен такой сплав «базовых инстинктов» в контексте макиавеллевской (да и марксовой) формулы *homo* как кентавра — полужверя, получеловека. Как неоархаика «натуры» наших дней — *озвещения человека*, террор изначально и диаметрально противоположен культуре как процессу *очеловечивания зверя*.

Переходный характер гено типа *homo*, невозможность свести его к определению *sapiens* во многом объясняют амбивалентность человеческих страстей. Классик писал, что «ничто великое в мире не совершалось без страсти». Но, как метко заметил М. Волошин, «спазмы страсти» не лишено и (почти) все низкое. Реально и «великое низкое», и это — парадокс не ума, а самой жизни. Принципиальное различие в том, что, если подлинно великое оценивается со знаком плюс, эта «страсть» называется «убежденность», а со знаком минус — «фанатизм».

«Негодование рождает стих», — писал Ювенал в «Сатирах». Но известна ярость не только «благородная»: по-своему снискал бессмертие Герострат. Собственно, что кроется на ментальном дне существа, способного к применению решительно всех средств для достижения своей цели, включая буквально понятые зверские? Ф. Ницше выявил растущую пропасть между все более цивилизованным существованием человека и, тем не менее, стойким архетипом, унаследованным от первичной эпохи, — жестокостью как рудиментом «прежних культур». Вопреки библейскому раю или античному мифу о «золотом веке», писал мыслитель, жестокость принадлежит к древнейшему настроению человечества, когда *богов* улаждают зрелищем жестокости — как чего-то осмысленного и значимого.

Становление и культивирование человека и его важнейшего качества — *человечности*, гуманного обращения к себе и другим, происходило как процесс *укрощения* «дикого зверя». «Мир, — писал Ницше, — это медь: / нагретый бык — он глух на крик... Мир — это твердь, / в нем сердца нет, мир — это бык» [1. С. 486, 814]. (Очевидно, что речь идет о медном быке греческого тирана Фалариса: в чрево животного помещали обреченных на смерть, и потом его раскаляли до тех пор, пока из-за воплей жертв бык не начинал «мычать».) Однако Ницше констатировал не только *садистский* синдром «разогретого быка» истязателей (к примеру, инквизиция), но и *мазохизм* самоистязаемых (аскетизм жаждущих «пострадать»).

У зверочеловека нет постоянной «прописки». По словам А. Мицкевича, когда не стало палача в одном французском городе, то представились сразу 366 соискателей. Здесь, по крайней мере, есть своя логика — обретения материального достатка и социального престижа палачей. Но чем объяснить мутацию субъектов в собственных палачей? Нам кажется странной и чуждой решимость современных шахидов к самоубийству. Но вот как А. Пушкин воспроизводит ментальный комплекс Е. Пугачева:

Есть упоение в бою
и бездны мрачной на краю,
и в разъяренном океане,
среди грозных волн и бурной тьмы,
и в аравийском урагане,
и в дуновении чумы!..
Все, все, что гибелью грозит,
для сердца смертного таит
неизъяснимы наслаждения —
бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
их обрести и ведать мог.

Объясняя смысл этих строк, М. Цветаева писала: «Есть явление, все эти явления дающее разом. Оно называется — *мятеж*, в котором... еще и метель, и землетрясение, и пожар... Пушкин говорит о гибели ради гибели и ее блаженстве» [4. С. 338]. Отсюда — хорошо и печально известная интенция: «А он, мятежный, просит бури, как будто в буре есть покой». Так, по Гегелю, вершится *абсолютная* свобода как «фурия исчезновения», «самая холодная, самая пошлая смерть».

Непреходящая заслуга Ф. Достоевского в том, что, провидя тектонические разломы грядущих столетий, он впервые ясно увидел, что человек живет между двумя полюсами: «бездной над нами и бездной под нами». «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [5. С. 311]. Парадокс в том, что к нему ведет и безграничная *несвобода*, *тотальное отчуждение* не Обломова или Фирса, а *пассионарного* человека, рвущегося из запертой клетки — даже ценой «озверения». Поэтому «выражаются иногда про “зверскую” жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток» [6. С. 217].

Этот колокол звонил по *агонии* абстрактного гуманизма, и Ф. Достоевский провидел *трагический* век мутации гераклитова творческого огня в тотальный «пожар в головах». Человек, которому мнится, что он способен быть *всем*, или «Наполеоном», но реально остается *ничем*, оказывается «по ту сторону добра и зла». Он способен все, включая и себя, превратить в *ничто*. Начиная с хрестоматийного Герострата, пафос действий «бесов» повсюду и всегда — «все вдруг взорвать на воздух, все уничтожить, всех, и виноватых, и невиновных, и тут все узнают, что это — тот самый, которого называли вором... а затем уж убить себя» [7. С. 269].

Первым после русского Екклесиаста приближение этого «пожара» почувствовал Ф. Ницше. Чтобы понять этот феномен, философ предлагал «вглядеться» в европейский анархизм в целом как одну из ипостасей *декаданса* или *кризиса* модерна, уже заметного с конца XIX века. Отныне мир

может «падать назад, в сторону, вперед, во всех направлениях», и такая дезориентация становится уделом тех, кто теряет почву под ногами, ощущает себя безысходно «бывшими». Вообще говоря, «стремление к разрушению, изменению, становлению может быть выражением избыточной, чреватой будущим “дионисической” силы, но оно может быть также ненавистью неудачника, горемыки, который разрушает, должен разрушать, ибо его возмущает и раздражает существующее» [1. С. 694].

После Достоевского и Ницше обесчеловечение, или *варваризация* человека, стало объектом пристального внимания психоаналитического направления в культурфилософии. З. Фрейд интерпретировал эту тенденцию как угасание Эроса — воли к жизни и влечение к Танатосу. Если ожидание конца — это недостаточное средство, более сильным наркотиком вполне может стать преодоление комплекса неполноценности как «влечения, которое стремится вновь уничтожить жизнь... мы можем считать его выражением *влечения к смерти*... его направленности на внешний мир в форме агрессии» [8. С. 366]. Американский культурфилософ Э. Фромм усмотрел в подобной разрушительной стихии одно из фундаментальных свойств несостоявшегося «царства Разума», а *разрушительности — как результата непрожитой жизни*. По Ж. Бодрийяру, современный терроризм уже не имеет ни цели, ни конкретного врага. Его противник даже не из области мифа, он выступает как нечто анонимное, как некий мировой социальный порядок.

Это уже не только цивилизационный, но и *культурный тупик* — неспособность к творческому *ответу* на *вызовы* современности. XX век предоставил устрашающие аргументы, подтверждающие способность к распаду и обрушению в бездну небытия.

Социокультуральный диагноз террора

Если требование высшей культуры остается неудовлетворенным, то... ближайшим последствием этого явится... обратное погружение в варварство.

Ф. Ницше

Вне глубинных антропологических оснований — «вечного возвращения» архетипа «Зверя из бездны», или расчеловечивания человека, современный Терроринтерн не может быть «расколдован» и рационально понят. Вместе с тем очевидно, что, перефразируя Маркса, *обстоятельства* так же творят людей, как и *не-людей*, и это требует рассмотрения террора в социокультурологической оптике, как *экстремальной антикультуры*.

В самой общей форме антикультура современного террора может быть объяснена в предложенных Х. Ортега-и-Гассетом интегративных концептах «человек-масса» и «восстание масс». Еще Гегель проницательно отметил этот феномен уже на стадии становления индустриального общества. «Самый низкий уровень жизни... — писал он, — очень различен... Бедность сама по себе никого не делает черным: чернь определяется лишь связанным с бедностью *умонастроением, внутренним возму-*

щением (курсив мой. — И. Л.), направленным против богатых, общества, правительства и т. д. Далее, с этим связано и то, что [такой] человек... становится легкомысленным и уклоняется от работы... Тем самым в черни возникает зло, которое состоит в том, что у нее отсутствует честь, заставляющая человека обеспечивать существование собственным трудом, и она, тем не менее, претендует на обеспечение своего существования как на свое право» [9. С. 271].

Демократия XX века, повергнув зло тоталитарных диктатур, изначально обнаружила и отмеченный В. Розановым массовый комплекс неполноценности: «*egalité*» есть тоска всеми униженного, скорбящего о себе всего «половинчатого» — его уравнивания с единицей. Недаром идейные предтечи нацизма называли немецкий народ периода Веймарской республики «пролетарской нацией», несправедливо ущемленной более благополучными «буржуазными нациями».

Этот лейтмотив отчетливо слышен и в определении состояния современного постколониального мира как «*международного пролетариата*». Дистанция между богатством и бедностью в мире велика как никогда. По данным доклада ООН «Глобализация с человеческим лицом», пропасть между развитыми и другими странами углубляется: разрыв доходов между пятью богачейшими и пятью беднейшими странами, составлявший 30:1 в 1960 году, достиг уровня 60:1 — к 1990-му, а к концу XX века равнялся 74:1. Согласно оценкам ООН, даже в развитых странах 100 миллионов человек живут за чертой бедности, 37 миллионов — безработные, а треть взрослых людей не завершает среднего образования. Заслуживает внимания и наблюдение американских авторов: «Мы должны посмотреть на мир глазами наших противников... Готовность террористов умереть за свое дело малопонятна, если мы не вспомним тот факт, что продолжительность жизни в их странах чрезвычайно невелика» [10. Р. 217].

Конфронтация бедности и богатства — действительно важный источник терроризма (особенно в его массово-исполнительском звене); но наивно приписывать ему самодостаточное значение. Формула «чем больше бедности, тем больше террора» лишь в определенной степени соответствует реальности. Обширные регионы мира, в которых жизненный уровень достаточно скромен, до сих «не замечены» в систематическом терроре. Но главное в том, что его известные организаторы и вдохновители — представители вовсе не бедного, а как минимум *среднего* класса. Их организации оперируют такими средствами, которые вполне могли бы разрешить масштабные социальные проблемы.

Эпизодически и ситуационно обсуждается такой социокультурный аспект, как *гендерная* структура терроризма. Заметно искушение объяснить его, приписывая патриархальной цивилизации «базовый инстинкт» *маскулинности*, по определению чреватой насилием — вплоть до уничтожения тех, кто не готов к подчинению. Однако такой посыл явно противоречит очевидным фактам. У террора — и заметное *женское* лицо. Не говоря уже о дрессированных фуриях нацистских «фабрик смерти», сопричастность к террору разделяли девицы из организаций «Прямое действие» и «Красные бригады», которые повергли в страх респектабельную Европу 1960—1970-х годов. Вдохновительница герман-

ской террористической «Фракции Красной армии» У. Майнхоф являлась потомком великого поэта-романтика Ф. Гельдерлина, а ее сподвижница Г. Эннслин — прямым потомком Гегеля. Культовая террористка П. Херст — дочь знаменитого миллиардера Херста с кличкой «Таня» — была подружкой легендарного Че Гевары. В этом же ряду, словно сошедшие с мрачных и гротескных фресок Ф. Гойи, шахидки из московской мистерии «Норд-Оста».

Некрасовские женщины — символ добродетельной жертвенности — были способны «войти в горящий дом». Фурии террора не только сами поджигают его, но и готовы сгореть в огне. Независимо от мотиваций (преданности, ревности, мести, амбиций), женщина-убийца и тем более самоубийца — это *разрыв* генерационной преемственности поколений, угроза непрерывности жизни на земле.

Если гендерные аспекты террора заслуживают гораздо большего внимания, то этого нельзя сказать об *этноцентристской* версии террора как ментального свойства определенных общностей, будто бы предрасположенных к насилию. Внимание к этническому составу террора все же привело к накоплению определенных фактов. Так, в Нидерландах значительно более высокий уровень преступности характерен для марроканцев в сравнении с турками — хотя обе этнические группы экономически и социально страдают от дискриминации приблизительно в равной степени. В то же время среди лиц, эмигрировавших в Европу из Азии, уровень преступности ниже, чем среди европейского населения [11. Р. 17].

В XX веке пальму сомнительного первенства в «безумном, безумном, безумном мире» террора разделяли русские и немцы, ирландцы и баски, американцы и евреи. Зариновая атака японской «Аум сенрике» в токийском метро в 1995 году была последним крупномасштабным актом вальпургиевой ночи XX столетия. Но печально известные серийные киллеры — «Джек-потрошитель», «нью-йоркский снайпер», английский «доктор смерти» Шихман и др. — прописаны все же *не* по арабско-мусульманскому адресу.

Общим местом стала *психологическая* версия террора как «силы слабых». Но терроризм — это не «сила бессильных», а *асимметричная* сила. Этот монстр вполне способен дотянуться до ядерного или биологического оружия массового поражения. «Тот, у кого в руках эта штука (атомная бомба), — говорил немецкий террорист М. Буман в интервью журналу «Штерн», — может заставить бундесканцлера танцевать канкан на столе».

Все более провоцирующую роль играют «плоды просвещения» westernизированных *массмедиа* с их универсальным фрейдистским товаром — *культулой насилия*. Американский автор Л. Мартин констатирует, что для ньюсмейкеров теракт — это «новость высокого качества». Коммерческий успех любой ценой приводит к вольной или невольной пропаганде терроризма.

По-видимому, терроризм не сводим ни к «зову крови», ни к страшной мести бессильных. Такой подход — автоматическое алиби в *непричастности* к террору «упорядоченных» политических субъектов — прежде всего государств. Однако это глубокое и далеко не бескорыстное заблуждение.

Терроризм государственный и групповой

XX — насквозь террористический — век, содрогающее увенчание того Прогресса, о котором столько мечталось в XVIII.

А. Солженицын

Большая часть мира видит — и по праву — в США одну из главных стран—террористов.

Н. Хамски

Архетипичным символом государства является библейский Левиафан — «монстр, символизирующий силы природной стихии». В книге Иова описывается существо, столь пугающее, что «никто не смеет тревожить его... Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? Сделает ли он договор с тобою...?» (Иов 40:20, 22, 23). Символизм этого существа происходит от ближневосточных мифов, в которых герой-бог сражается с богом морских глубин за установление порядка из первобытного хаоса.

С нарастанием социально-политических антагонизмов соотношение *хаоса* и *порядка* выявляется различным, вплоть до противоположности, образом, и к террору прибегают скорее как к легитимному, чем экстремальному способу достижения целей. В структурно-историческом срезе терроризм — это необозримая сеть самых разнообразных субъектов и агентов; и изначально важно выявить специфику, взаимосвязь и эволюцию *государственного* и *группового* терроризма.

Одной из первых известных в истории террористических группировок была *секта сикариев* в Древней Иудее, совершавшая «прекрасные», из благих побуждений, преступления, которая действовала в 66—73 годах н. э. под лозунгом освобождения от Римской империи. Сикарии систематически убивали римских чиновников и проримски настроенных евреев, сжигали зернохранилища и выводили из строя системы водоснабжения. Но заставить империю «образумиться» они не смогли.

Гегель писал о средневековых государствах, в которых господствовала не сила права, а право силы, «беспрестанное насилие». Такая критически сжатая пружина, естественно, вызывала *контрнасилие* многочисленных сектантских групп. Их вооруженный протест перерстал в массовые движения (герилья, табориты и др.) и сопровождался их террористическими действиями. В периоды обострения противоречий в пределах современных полиэтнических наций-государств групповое насилие приобрело определенные этноконфессиональные черты (ирландская «герилья», баскская ЭТА, чеченская фронда, «тамильские тигры» и т. п.).

Если неотъемлемый сегмент специфики государства заключается в *легитимности насилия* власть имущих, то есть его правомерность признается большинством граждан, то групповой террор — это свидетельство *нелегитимности* государства, его «права» на насилие. Это протест тех социальных групп, которые не только не согласны с политикой государства, но и способны противопоставить ему более или менее адекватное насилие. Таков последний довод не-королей. В этом смысле террор является пра-

ктикой политического насилия, которое считается прерогативой государства и при этом выпадает из общественных представлений о допустимом. И. Валлерстайн не вполне точен, полагая, что враждебность по отношению к государству вошла сейчас в моду. Но он, безусловно, прав, отмечая, что в той мере, в какой частная безопасность становится важной проблемой общественной жизни, подрывается вера в торжество закона и, как следствие, разрушается гражданское сознание. Замкнутые группы становятся единственно надежным прибежищем, проявляя при этом склонность к насилию и стремясь контролировать свои «зоны ответственности».

В периоды бурной трансформации политических систем общественные группы — еще отчужденные от власти, но уже стремящиеся к ней (во Франции начала Нового времени это «третье сословие») — идейно и морально легитимировали насилие как право народа на восстание против тиранов. В Великой французской революции, с ее взятием власти «народом», это воплотилось во всевластии гильотины, карающей не только тиранов, но и все общественные группы, которые были их социальной почвой. Инерциально новые власть имущие еще признавали легитимность «права народа на восстание» против тиранов, как бы подчеркивая собственную непричастность и чуждость тирании. «Какая страна, — вопрошал второй президент США, еще вполне “народный” Т. Джефферсон, — в прошлом прожила хотя бы полтора века без восстания? ...Что значит потеря нескольких жизней в масштабе одного-двух веков? Древо свободы должно подпитываться... кровью патриотов и тиранов. Это — его естественное удобрение» [12. С. 19].

История революций в России XX века — это новый виток на «древе свободы». Здесь на удел «естественного удобрения» были обречены не только «тираны» — российский император, его семья и челядь, но и целые классы. Но те, кто ныне торопится обвинить в этом только большевиков, точнее — ленинский принцип «революционной целесообразности», выносят вердикт *до* суда. Такой суд — дело будущего, и полезно знать, что Владимир Ульянов, по свидетельству его сестры, *стал Лениным* лишь после того, когда, узнав о *казни старшего брата*, сорвал со стены и начал топтать карту России.

Изначальный цвет российского террора был не «красным», а «белым». Благовоспитанность тех, к кому обращался русский Робеспьер, не позволяла им совершать политический стриптиз по этому поводу, но идейная «душа» эсеров — З. Гиппиус писала об этом в своем «Дневнике»: «Сейчас у нас (всех) только одна узкая, самая узкая цель... свалить власть большевиков... Все равно чем, все равно как, все равно чьими руками... Для каждого данного мига *нужно использовать людей данного мига. Вот и все*. Когда они провалятся, будем искать следующих, кто бы они ни были с точки зрения *целесообразности их действий*, пригодности их действий, пригодности средств для неизбыточной, узкой, ПЕРВОЙ цели — свалить большевиков». И далее — все точки над «i»: *«Мы только теперь вступили в полосу настоящего террора*. После убийства Володарского, затем Мирбаха и Эйхгорна... произошло наконец убийство Урицкого и одновременно ранение — в шею и грудь — Ленина. Большевики на это

ответили (! — И. Л.) только тем, что арестовали 10 тысяч человек (курсив мой. — И. Л.)» [13. С. 224]. Однако конец — делу венец. После Ленина большевики развязали массовые репрессии против крестьянства и интеллигенции, а закончили истреблением собственной элиты — ленинской гвардии. Революции действительно пожирают своих детей.

Вероятно, закономерность состоит в том, что такие, замешенные на Большой крови революции, точнее, по Е. Месснеру, — *мятежевойны*, неизбежно заканчиваются «вечным возвращением» Левиафана, подрывом легитимной основы любой государственности — *договора* с народом — и стремлением к «такой верноподданнической покорности всех граждан абсолютному государству, какая еще не существовала доселе» и *анархической* реакцией исхода из-под его контроля. Поскольку анархизм «стремится к устранению всех существующих *государств*, — то ему остается надеяться... на существование с помощью своего крайнего терроризма. Поэтому он втайне готовится к террористической власти...» [14. С. 447].

Террор изначально был заметным, а в катастрофные периоды — и определяющим феноменом не только внутривнутриполитической жизни, но и *международных* отношений. Ему предшествовали тысячелетия взятия в заложники знатных представителей побежденных племен. Геноцид, а нередко этноцид, массовый угон населения в рабство составляли *обычай* войны. История древних империй полна такими демонстративными акциями «устраивания». Их собирательный мрачный символ — империя Тамерлана, «увенчанная» горами черепов побежденных.

Характерная для христианства начала первого тысячелетия н. э. религиозная толерантность вскоре сменилась фанатичной нетерпимостью. Крестовые походы стали не столько борьбой за «освобождение гроба Господня» от «иноверных», сколько их геноцидом именем Христа. Если в обычаях так называемых огороженных войн между христианами предполагалось соблюдение неких норм и табу, то в этих походах действовал принцип «*Убивайте всех*, Бог на Последнем Суде отделит католиков от еретиков».

Вплоть до конца политического средневековья демон тотального террора витал над средневековой Европой. Клерикальное господство Ватикана уходило в прошлое, но светские власти словно соперничали с ним в применении массового насилия. «Лучше царствовать над опустошенной землей, чем над проклятой», — таковы были приоритеты императора «Священной Римской империи германской нации», и тогда, в Тридцатилетнюю войну, население Германии уменьшилось втрое. А далее — геноцид индейцев в Америке, расправа колонизаторов над индийскими повстанцами — сипаями (их привязывали к жерлам пушек и разрывали на части), над восстанием «боксеров» в Китае в 1901 году. Недаром Маркс назвал колониальную эпоху «кровавой зарей» капиталистического накопления.

Уже в начале XX века, в период Первой мировой войны, кайзер Вильгельм II, по сути, отрекаясь от своего различия «западной цивилизации» и «восточной культуры», напутствовал германские войска: «*Ведите себя, как гунны*». Стоит отметить полисемантику этого термина. Высоко оценивая пьесу Е. Замятина «Атилла», М. Горький усматривал ее ценность в том, что «гунны во главе с Атилой идут разрушать Рим как государство, фабри-

кующее рабов». В устах же кайзера воинство рейха — это новые гунны, призванные освободить «рабов» на Востоке. «Культуртрегерская» мотивация возымела действие. Первый расстрел заложников (включая женщин, детей и стариков) произошел в августе 1914 года в бельгийском Лувене. Там германские колонны были обстреляны из охотничьих ружей — и немецкие войска без колебаний подавили городскую партизанскую войну.

Массированным актом терроризма стали еврейские погромы и депортации 1915–1916 годов, организованные в Галиции в прифронтовой полосе великим князем Николаем Николаевичем («в ответ» на «еврейский шпионаж», который был объявлен причиной поражения российской армии). В 1915 году был подготовлен проект указа Николая II о массовой депортации этнических немцев. Таким образом, с точки зрения царских властей, два этноса (немцы и евреи) попали в категорию «подозрительных». Еще ранее в этом черном списке оказалась польская шляхта. Монархист Л. Тихомиров писал о политике царской России в Польше: «В начале деятельности нужны были меры терроризирующие... Отнять от мятежа шляхту значило сковать всю его силу... Муравьев понял, что недостаточно разгонять банды или ловить кинжальщиков, а нужно истребить саму организацию» [15. С. 95, 97].

Однако все эти ужасы варваризации и одичания «цивилизованных» власть имущих меркнут перед нацистским террором в запредельных формах геноцида против собственного и других народов. Зб. Бжезинский пишет, что нацистский режим был «более рационален», поскольку истреблял *другие* народы, а сталинский — репрессировал целые классы и этносы *своего* народа. Но такое различие — опасная иллюзия. Именно фюрер спровоцировал не только истребление немецкого юношества («гитлерюгенд»), но и «ковровые» бомбардировки Дрездена и других городов. Немецкий народ и его отечество спасли не нацистские мистификации, а проявленная союзниками *цивилизованная* милость к павшим. Впрочем, и они — не жена Цезаря. Хотя первые американские атомные бомбы были адресованы Москве в целях символического «устрашивания», физически они стали Армагедоном жителей Хиросимы. Цель оправдывает средства!

Однако был ли вообще возможен этот тотальный Кошмар без — в лучшем случае — *слабости сильных*: мюнхенского предательства Чехословакии западными державами, сталинского ожидания умеренности аппетита фюрера, молчаливой и дружной блокады бегства евреев из Германии руководствами США и СССР, наконец искушения разрубить гордиев узел завершающейся войны атомным апокалипсисом в Японии?

Все это — притча во языцех. Но «Зверь из бездны», говоря словами Ницше, не только «ревет в подвалах культуры», но и мимикрирует под нее. К. Ларсон, советник ЦРУ и Министерства внутренней безопасности США по вопросам борьбы с терроризмом, пишет *полуправду* об этом парадоксе, утверждая, что он «угрожает глобальному порядку не просто потому, что несет с собой насилие. Он подрывает саму структуру глобального порядка, в котором на протяжении столетий главным субъектом выступали национальные государства... Сегодня этот проект пытаются осуществить, форсируя переход от незавершенного второго этапа, в “отдельно взятом” регионе, к третьему, в комбинации процессов

имплантации в «Север» и его пока символического штурма в наиболее болевых точках» [16]. Иными словами, советник прав, констатируя вектор ударов «новых гуннов» — с Юга на Север; но он хранит понятное молчание о их глубинной *первопричине*.

На пути к постижению такой глубинной причины возможны различные, в том числе и сенсационные, подходы. Так, А. Тарасов, эксперт Информационно-исследовательского центра «Панорама» (Москва), в статье «Неопровержимые доказательства» (2004) рассматривает события 11 сентября 2001 года не как исламистский теракт, а как заговор-провокацию американских фундаменталистов — крайне правых. Новизна такой оценки, которая в различных вариантах гипотез «проговоривалась» и ранее, состоит в том, что автор детально воспроизводит основную канву документов, фактов и аргументов в книге Т. Мейссана о *провокации* как асимметричном оружии в «*мятежевойне*» (2003). Автор убежден, что *этого* исключать нельзя уже потому, что еще более грандиозная провокация — убийство президента Дж. Кеннеди — осталась тайной за семью печатями.

Тем не менее многие авторитеты утверждают: «Маска, мы тебя знаем». П. Бьюкенен, бывший кандидат на пост президента США и автор книги «Америка: республика или империя?», высказал уверенность, что ненависть к Америке, выраженная в акте террора 11 сентября 2001 года, исходит из отношения к США как к «новому Риму», навязывающему свои цели, волю, ценности. США, заявил он, несут — с точки зрения иных культур, в том числе и ислама, — только «разложение». Американское агентство «Нандо таймс» опубликовало красноречивую подборку статей под заголовком «Почему они ненавидят нас?». Политологи З. Сардар и М. Дэвис целиком разделяют точку зрения известного критика Америки Н. Хомски: «Большая часть мира видит — и по праву — в США одну из главных стран-террористов».

Такая сомнительная репутация — дурной и опасный плод цивилизационного миссионерства во имя американизации мира. В то время, когда с окончанием «холодной войны» и распадом двухполюсного мира рухнул претендующий на мировую экспансию СССР, а Европа, уходя от химеры Третьего рейха, занялась обустройством своего единого Дома, официальная Америка без объявления, *de facto* ведет войну цивилизаций не только под флагом своеобразно препарированных христианских ценностей, но и акцентируя их абсолютную ценность для всего мира.

Способна ли победить в этой «войне» Европа? Ныне здесь уже более 17 миллионов мусульман, и опасений за их нелояльную пассионарность оказалось достаточно, чтобы Евросоюз официально отказался в своей — так и не принятой — Конституции идентифицировать себя как союз не просто европейских, но и *христианских* народов. Суть проблемы, как объяснил уже Гегель: христианство — это не только религия, но и *образ жизни*. Устойчивая двусмысленность принятия/непринятия Турции в ЕС также на руку скорее не ему, а проамериканской НАТО, членом которой эта страна является. Трудно представить себе более мощный удар по ценностно-смысловому ядру Европы. Эффект такой стагнации *превосходит* штурм нью-йоркских «близнецов», и «восторг» в том, что это делается не исламистскими боевиками, а «отцами» Евросоюза. Степень их дальновидности определит богиня Клио.

Врачу. Исцелися сам

Тот, кто борется с чудовищами, должен следить за собой, чтобы самому не обратиться в чудовище. Попробуй подолгу смотреть в пропасть, и она заглянет тебе в глаза.

Ф. Ницше

Ответ мира, почитающего себя цивилизованным, на вызов Терроринтерна является, во-первых, скорее реактивным (он так буквально и называется «антитеррористическая операция»), чем превентивным, во-вторых, он существенно ослаблен тем, что так называемая антитеррористическая коалиция — это продукт симбиоза Слона и Кита, и в-третьих (по счету, но не значимости), американский Слон демонстрирует грацию в посудной лавке, и это на руку только террористам. Они уже добились не только унижения самой могущественной державы мира, но и — недоброй волей массмедиа — грандиозной рекламы и признания себя в качестве грозной и пока практически неуязвимой военно-политической силы. Расчетливый «глазомер» коноводов Большого террора в том, что очень сильна надежда «озверить» Америку.

Старомодное «высокомерие силы», которую демонстрирует Белый дом, свидетельствует о непонимании во многом новых правил игры на мировой «шахматной доске», и он предпочел прямолинейную тактику вышибания «клин клином». Там убеждены, что «эта система столь подобна Джаггернауту, что единственная мыслимая форма сопротивления ей должна принимать форму террора, поскольку никакой диалог с ней уже невозможен» [17. С. 27]. Отсюда — демонстративная маркировка антитеррористической войны как последнего издания «крестового похода».

Действительно, быстротечно померкшие триумфы США в Ираке, Ливии, Афганистане, двусмысленная тактика в треугольнике США — «Исламское государство» — Сирия, разогревание братоубийственной бойни на Украине — это не только грация слона в посудной лавке, но и пирровы победы. Пока выиграны отдельные бои, но далеко не сражение. «Война против терроризма» стала, по мнению британского политолога Р. Харви, роковой ошибкой Запада. Террористы получили формальное признание в качестве адекватных противников. А кто попытался вдуматься в смысл «объявления войны», понял, что этот шаг имеет скорее риторический и избирательный характер к определению террористов... Уже в начале «войны» с терроризмом Запад поступился рядом принципов международного права [18. Р. 19].

Эффективная борьба с терроризмом требует создания легитимной «мировой жандармерии», которая способна пресекать *любой* террор (и прежде всего государственный), любое коллективное «устрачивание» — тем более истребление невинных людей. В этом смысле, писал Дж. Локк, любой, кто осознанно повинен в их гибели, распростился «с разумом, который является законом, установленным между человеком и человеком... (и) подлежит уничтожению... как любой хищный зверь, опасный для существования человека». Однако, вопрошает Б. Капустин, *кто* именно распростился с разумом и стал хищным зверем?

«Мы», занимающиеся работоторговлей, колониальными захватами и т. п., или те, кто пытается противостоять этому и «нападает» на «нас»?.. Оккупация «нами» «их» пространства — строго говоря, не насилие.., а лишь применение «легитимной силы» против «хищных зверей». Или, говоря современным языком, контртеррор... В Риме говорили: «Никого нельзя подчинить до конца»[19. С. 6]. Самые свирепые сатрапы, уничтожая одну часть своих жертв, «щадил» других, оставляя им только глаза: чтобы было чем плакать.

Противостоять злу Большого террора и одновременно *не опускаться* до него — беспрецедентная задача по своему масштабу и главное — инновационному характеру. В силу таких особенностей эта борьба стала новой фазой притяжения/отталкивания *партикуляризма и универсализма*. В осознании их соотношения заметен дефицит не только антропологических оснований террора, но и недооценка *глобального* характера «быть или не быть» как в традиционной «любви—ненависти» различных цивилизаций, так и потребности *каждой* из них в переоценке ценностей в условиях Современности. Мир всегда был относительно тесен, но глобализация превращает его в *абсолютно* единый Дом. Терроризм — это угроза его превращения в глобальное пепелище. Ныне решительно никто не может быть вне опасности, и если горит дом соседа, ждите пожара в вашем доме.

В такой оптике существенно значима реализация принципа «Врачу. Исцелися сам». Во взаимосвязанном мире, в котором Большой террор обрел диффузный, не ведающий границ характер, было бы легитимным делегировать ряд функций антитеррора *глобальным и региональным* структурам. Однако пределы возможностей ООН известны. НАТО, как трансатлантическая структура, более поощряет и проводит террористический курс, чем блокирует его. Евросоюз в целом в инфантильном состоянии в вопросах европейской безопасности. Антитеррористическая структура СНГ также пока далека от оптимальной. Что касается глобального управления, способного осуществлять энергичную антитеррористическую деятельность «мирового правительства», то это вообще вопрос, далекий от реалий.

Необходимо заново создавать систему глобальной и коллективной безопасности. В первую очередь это касается терроризма: «крестовый поход» против ислама его не предотвратит, а усилит. «Идентифицировать террористические угрозы с одним регионом, одной религией или одной цивилизацией — опасность, которую народам следует обходить. А в современной ситуации требуется возврат к разделяемым всеми человеческим ценностям как основе для солидарных действий... Выход из тупика — не столкновение цивилизаций, а их сближение; глобализация мультицивилизационная, а не вестернизированная» [20].

Если гордиев узел Терроринтерна невозможно разрубить, то это не значит, что его нельзя развязать. С этой целью необходима подлинно *глобальная* антитеррористическая коалиция. Поставив по главу угла не просто интересы, а единые *ценностно-смысловые* основания — конструирование прочного мира как самоцель, такая коалиция будет эффективной как единство принуждения и убеждения, *авторитета силы и силы авторитета*. Нужен не только диалог, но и конструктивная поддержка

цивилизациями движения «Запада» и «Востока», «Севера» и «Юга», способного минимизировать фундаментализм и погасить «спазмы» террористических страстей.

Человечество тысячелетиями существовало между всемирно-исторической мудростью библейского «Не убий» и дурной бесконечностью своей варварской предыстории, а в XX веке не однажды оказывалось на грани бездны. Тем больше оснований для максимы И. Канта о стабильном мире. С точки зрения масштабов и последствий (особенно потенциальных) Терроринтерна таков уже безальтернативный категорический императив. В отличие от идеи апокалипсиса, в котором грешники стигнут «в геенне огненной», а праведникам вечный мир будет дарован свыше, современный человек не может рассчитывать на такую благодать и исходит из конструктивистской установки на то, что, по Канту, «состояние мира должно быть установлено».

Литература

1. Ницше Ф. Веселая наука (*La Gaya Scienza*) // **Он же**. Сочинения : в 2 т. М.: Рипол классик, 1998. Т. 1.
2. Новая Польша. 2003. № 6.
3. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Лига, 1994. Т. 1.
4. Цветаева М. Сочинения : в 2 т. Минск: Народная асвета, 1988. Т. 2.
5. Достоевский Ф. М. Бесы // **Он же**. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990. Т. 10.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // **Он же**. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 14.
7. Достоевский Ф. М. Подросток // **Он же**. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 13.
8. Фрейд З. «Я» и «Оно». Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
10. The Age of Terror: America and the World after September 11 / S. Talbott, N. Chanda (eds). Oxford: Perseus Press, 2001.
11. Controlling a New Migration World / V. Guiraudon, Ch. Joppke (eds). L; N. Y.: Routledge, 2001.
12. Полис. 2003. № 6.
13. Мережковский Д. Больная Россия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
14. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // **Он же**. Сочинения : в 2 т. Т. 2.
15. Польская и русская душа (от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына) / сост. А. Лазари. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2004.
16. Независимая газета. 29.11.2004.
17. Макбрайт А. Образы Иисуса. Десять граней личности Христа. М.: ББИ, 2003.
18. Harvey D. The New Imperialism. Oxford; N. Y., 2003.
19. Капустин Б. Г. К понятию политического насилия // Полис. 2003. № 6.
20. Governance in a Global Society — the Social Democratic Approach [XXII Congress of Socialist International, São Paulo, 27—29 October 2003]. — www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticlePageID=77

